

RU

## Рецепция Базарова в беллетристике 1860-1870-х годов

Печерская Т. И.

**Аннотация.** Цель исследования состоит в раскрытии способов заимствования и модификаций базовых черт Базарова в романах о «новых людях» 1860-1870-х гг. Научная новизна заключается в том, что хорошо известный процесс отторжения тургеневского героя демократическими читателями и критикой рассмотрен в ракурсе, позволяющем увидеть не столько отказ от «нигилиста» Базарова, сколько попытку использовать этот тип героя для создания актуального типа «нового человека». В результате доказано, что новый тип героя в беллетристике может быть описан через механизм контаминации: семантически и структурно близкие типы, каждый со своей группой признаков, соединяются и образуют один метатип.

EN

## Bazarov's Image Reception in Novels of the 1860-1870s

Pecherskaya T. I.

**Abstract.** The paper aims to reveal the techniques to transform Bazarov's image in novels of the 1860-1870s about "new people". Scientific originality of the study lies in the fact that famous denial of Turgenev's personage among democratic readers and critics is considered from a fresh perspective. As a result, the author concludes that commonplace writers did not truly deny "nihilist" Bazarov but tried to use this image to create a new type of a hero. The research findings are as follows: the author proves that a new type of a hero appeared as a result of contamination – structurally and semantically similar types, with their own specific features, combine into a single meta-type.

## Введение

Без большого преувеличения можно утверждать, что появление «новых людей» без «нигилиста» было бы невозможно. Стремительность изменений, происходивших в русской литературе середины XIX века, прямо связана с интенсивностью типологических изменений в облике «героя времени», реализовавшихся в течение каких-нибудь пяти лет. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к вопросам типологического изучения явлений, возникших в литературном процессе середины века. Специфика этого периода во многом обусловлена демократизацией литературы, выведшей на свет плеяду беллетристов-разночинцев, чье творчество, мировоззрение, идеологическая ориентация определили полемический контекст этого литературного и общественного периода.

Задачи исследования обусловлены целью: сопоставить героев беллетристических романов о «новых людях» с тургеневским героем; реконструировать варианты контаминации героев рахметовско-базаровской формации; выявить, каким образом «сильный» текст может выступать «донором» по отношению к беллетристическим текстам. Соответственно, базовыми выступают сопоставительный и системный методы анализа.

Теоретическую базу исследования составляют работы, предметом которых является изучение литературного процесса середины XIX века, истории русской критики, разночинской беллетристики этого периода. Следует выделить работу Б. Ф. Егорова [7], систематизировавшего разночинские романы о «новых людях», выявившего их связь с романом «Что делать?», ставшим своего рода «прецедентным» текстом для последователей и подражателей. В контексте истории русского романа эта проблематика рассмотрена В. А. Недзвецким [12]. Для исследования специфики разночинской беллетристики большое значение имеет работа В. М. Марковича [11], который одним из первых поставил проблему взаимовлияния беллетристики и классики. В исследовании мы также опираемся на понятие «метатип», разработанное Л. Я Гинзбург [6], Л. М. Лотман [9], что позволяет вывести проблему создания героя времени на уровень широкого обобщения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы, основные положения и материал могут быть использованы при разработке курсов по истории русской литературы, специальных курсов,

посвященных изучению истории литературного процесса середины XIX века, в частности, особенностям беллетристики как сферы, закрепляющей и продуцирующей открытия «сильных» текстов.

### **Парность «нигилиста» и «нового человека» в восприятии критики и современников**

«Нигилист» и «новый человек» станут последним крупным типологическим именованием литературных героев в XIX веке. В литературном смысле новым героем Тургенева, нигилистом Базаровым, был, казалось, окончательно «упразднен» «лишний человек» как тип, в отношении которого уже с конца 1850-х гг. критикой был вынесен суровый вердикт. В статье 1865 г., посвященной «Евгению Онегину», Писарев подвел беспелляционный итог: «Время Бельтовых, Чацких и Рудиных прошло навсегда с той минуты, как сделалось возможным появление Базаровых, Лопуховых и Рахметовых» [15, с. 61]. Ранее об «изношенности» лишнего человека писали Н. Г. Чернышевский («Русский человек на rendez-vous», 1858), Н. А. Добролюбов («Что такое обломовщина?», 1859; «Когда же придет настоящий день?», 1860), А. И. Герцен («Лишние люди и желчевики», 1860), сам Писарев в статье «Базаров» (1862) и др.

«Нигилист» как литературный герой еще не успел получить развития, как роман Чернышевского ввел других героев – «новых людей» («особенный человек» в этом контексте является своего рода подвидом). В связи с резким неприятием Базарова как героя времени «нигилист» не получил продолжения в демократической литературе, зато он целиком занял свою нишу в антинигилистическом романе. Саму категорию «антинигилистический роман», отмечает К. Ю. Зубков, можно рассматривать как идеологический конструкт, сформированный радикальной критикой едва ли не прежде, чем он появился. Фактически в него были включены все разбора произведения, «враждебные» по отношению к демократическим идеям. Таким образом, в категорию «антинигилистический роман» попали не только произведения, идеологически всецело ориентированные на «демонтаж» нового героя времени – романы В. Клюшников, В. Авенариуса, В. Крестовского, Б. Маркевича, В. Авсеенко, В. Мещерского, где разнообразно утрировались черты разночинца-нигилиста, но и романы Тургенева, Гончарова, Достоевского, мало подходившие под критерии, сформулированные критиками и публицистами «Современника» и «Русского слова» [8, с. 122-140].

Добавим, что впервые свой пародийный и карикатурный облик Базаров получил в интерпретации М. Антоновича в статье «Асмодей нашего времени» и последующих статьях в рамках полемики с Д. Писаревым. Кристаллизация разночинского сюжета о новых людях и антинигилистического сюжета произошла именно в ходе полемики вокруг «Отцов и детей». Куда более чем сам Тургенев, Антонович поспособствовал формированию антинигилистического сюжета в его сатирическом изводе. Причем, в продолжительной полемике с Писаревым Антонович неоднократно обвинял Тургенева в том, что тот явился родоначальником антинигилистических романов наподобие «Марева» Клюшников, «На ножах», «Некуда» Лескова [13, с. 235-250]. «Новые люди» (как позитивный тип), напротив, получили широкое распространение не только в 1860-х, но и в 1870-х гг., в народнической литературе.

Парность «нигилиста» Базарова и «нового», «особенного» человека ощущалась современниками и в тех случаях, когда героев противопоставляли. «Новые люди» стали предметом тиражирования в бытовой и социальной среде, об этом написаны десятки мемуаров. В 1860-х гг. разночинец/демократ/«новый человек» стал своего рода «эпохальным характером». Характеризуя условия появления героя времени, на которого ориентируются современники, Л. Я. Гинзбург писала: «В порядке более или менее массовом это происходит, когда какая-либо среда сознательно формулирует потребность в пришествии нового человека» [6, с. 30]. Об этом культурном механизме писал и Ю. М. Лотман в категориях семиотического кода, на который ориентируется человек, вписывая себя в разряд какой-либо социальной роли с помощью литературной модели [10, с. 324].

В примечании к статье «Еще раз Базаров» А. И. Герцен так рассуждает о взаимовлиянии литературы и жизни: «Оригиналы делают шаржу своих резко оттененных портретов, и действительные лица вживаются в свои литературные тени. <...> Русские молодые люди, приезжавшие после 1862 года, почти все были из “Что делать?”, с прибавлением нескольких базаровских черт» [5, с. 337].

В конечном счете в восприятии современников герои Тургенева и Чернышевского образовали одно целое, сформировался литературный тип нигилиста/нового человека, черты которого последующие поколения перестали разделять или противопоставлять. Показательно воспоминание И. Е. Репина, чья юность и обучение, сначала в рисовальной школе, затем в Академии художеств, пришлись на 1860-е годы: «У каждого “развитого” (о, какой он развитой! – говорилось о таких, и этим говорилось все) были излюбленные три лица, их карточки стояли на самом почетном месте письменного стола; лица эти большей частью были: Чернышевский, Лассаль и Прудон. <...> Из литературы два героя как образчики для подражания преобладали в студенчестве: Рахметов и Базаров» [17, с. 194].

### **Парность «нигилиста» и «нового человека» в беллетристике**

Нельзя не заметить, что в романе «Что делать?», при выраженной интенции рассказчика, его желании противопоставить нигилиста Базарова «новым людям», Чернышевский-автор при обрисовке «нового человека» активно использует литературный материал Тургенева. Иногда он буквально эксплицирует базаровские черты, его манеру рассуждать. Например, посмотрим, как строится внутренний «комментарий» Лопухова при первой

встрече с Верочкой: «На диване сидели лица знакомые: отец, мать ученика, подле матери, на стуле, ученик, а несколько поодаль лицо незнакомое – высокая стройная девушка, довольно смуглая, с черными волосами – “густые, хорошие волосы”, с черными глазами – “глаза хорошие, даже очень хорошие”, с южным типом лица – “как будто из Малороссии; пожалуй, скорее даже кавказский тип; ничего, очень красивое лицо, только очень холодное, это уж не по южному; здоровье хорошее: нас, медиков, поубавилось бы, если бы такой был народ! Да, румянец здоровый и грудь широкая, – не познакомится со стетоскопом. Когда войдет в свет, будет производить эффект. А впрочем, не интересуюсь”» [20, с. 47]. Более всего развернут базаровский потенциал в Рахметове, герое, чей бунтарский склад раскрывается в «биографии», а сам он ассоциируется с байроническим героем вроде Чайльд-Гарольда. Романтический модус изображения Рахметова подробно раскрыт в исследовании М. И. Вайсмана [4, с. 8-10]. В жизнеописании Рахметова, как и в отзывах о Базарове, постоянно звучат скрытые намеки на революционную деятельность (во втором случае – потенциальную), с которой и связывается великое будущее героев. В Базарове угадывается цельность, отмеченная Писаревым: «...у Печоринных есть воля без знания, у Рудиных – знание без воли; у Базаровых есть и знание и воля. Мысль и дело сливаются в одно твердое целое» [14, с. 176]. Заметим, статья о Базарове была написана до появления «Что делать?», и Писарев еще не знал Рахметова, в котором позже, в статье «Нерешенный вопрос» (1864), нашел много общего с Базаровым.

Как известно, продолжатели и подражатели Чернышевского, особенно в 1870-е гг., период подъема и затем спада народнического движения, выбрали именно Рахметова в качестве ориентира при создании центрального героя. Назовем, например, В. А. Слепцова «Трудное время» (1864); Н. Ф. Бажина «Степан Рулев» (1864); Н. А. Благовещенского «Перед рассветом» (1865-1866); И. А. Кушчевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (1871); Д. К. Гирса «Старая и новая России» (1868); И. В. Оммулевского (Фёдоров) «Шаг за шагом» (1870); А. К Шеллера (Михайлов) «Гнилые болота» (1864), «Жизнь Шупова, его родных и знакомых» (1865) и др.

Беллетристика последователей Чернышевского хорошо известна и описана историками литературы в категории «романы о “новых людях”» [7; 12; 16; 19].

Здесь мы хотели бы выделить в рахметовских героях, «производных» от героя Чернышевского, базаровскую основу, указывающую на продуктивность типа, созданного Тургеневым, его способность генерировать и делать опознаваемым своего рода интерпретационный код даже в случае сознательной и даже эксплицированной авторской ориентации на другой источник и другой тип.

Показательно, что ни базаровский, ни рахметовский коды не стали сюжетогенными в произведениях последователей. Это объясняется не только довольно ограниченными художественными возможностями беллетристов, хотя не учитывать это обстоятельство нельзя. Б. Ф. Егоров, характеризуя сюжетику романов о «новых людях», отметил прямое влияние изменившейся общественной ситуации. Речь идет об ограничении возможности действовать открыто в условиях жесткой правительственной реакции на решительные действия революционного подпольного движения, развернувшегося в начале 1860-х гг. Этот спад определил пессимизм, скептицизм многих: перспектива скорых социальных изменений снова отодвигалась на неопределенное время. Именно с влиянием этих обстоятельств исследователь связывает и отсутствие развязок в романах с «рахметовским» героем, и структурную неопределенность сюжета, «рассыпающегося» на ряд очерковых картин, рассказов, объединенных лишь одним героем [7, с. 3-4].

Можно предположить, что актуализация базаровских черт в рахметовском герое во многом объясняется теми же обстоятельствами. Например, герой В. Слепцова («Трудное время», 1865), при всей рахметовской направленности, о чем свидетельствует его тайная революционная деятельность (он оказывается в имении Щетинина, чтобы избежать ареста), исполнен скептицизма, мрачен, циничен, пренебрежителен и к крестьянам, и к тем людям, которые пытаются по мере сил произвести какие-то перемены (как и Базаров, он не верит в либеральные преобразования). Рязанов считает пустяком искусство и литературу, историю с идеей связанности времен, общественные изменения. Он уверен, что главная задача – сломать, а потом когда-нибудь другие выстроят с нуля (собственного плана строительства у него нет), словом, выступает настоящим нигилистом. Иногда его слова представляют собой своего рода экспликацию суждений Базарова, например, слова об обусловленности поведения людей: «Все зависит от условий, в которые человек поставлен: при одних условиях он будет душиить и грабить, а при других – он снимет с себя последнюю рубашку» [18, с. 310]. Характерно, что У. К. Брумфилд, рассматривая Базарова как «литературный романтический архетип», считает, что именно на его основе был создан герой Слепцова [3, с. 286-298]. При этом доминирующую рахметовскую составляющую исследователь оставляет без внимания, хотя очевидно, что в этой парадигме все три героя могли бы сойтись.

Другой вариант «использования» базаровского потенциала в рахметовском типе героя выражается в усилении отталкивающих черт радикального деятеля, фанатично преданного «делу». Н. М. Белова отмечает, что в романе «Знамение времени» (1869) Д. Мордовцев создает «вариации рахметовского типа», актуализируя «заклоченные в нем отрицательные возможности» [2, с. 95]. Прежде всего речь идет о Стожарове, который, как и Караманов, представляет в романе радикальных народников, деятельность которых связана с подготовкой революционных перемен. Однако нельзя не заметить, что отрицательный потенциал рахметовского типа извлекается с помощью усиления и утрирования базаровских «признаков». При многих чертах сходства с Рахметовым (герой отказывается от материальных благ, он способен переносить физические трудности, не чуждается тяжелой работы, отказывается от любви, способной помешать «делу») Стожаров многократно характеризуется как абсолютный нигилист, не признающий ни нравственных законов, ни религии, ни ценности культуры. Абстрактность его теорий естественным образом сочетается с презрением к людям, в том числе к единомышленникам, антипатией к родителям, наконец, отрицанием каких-либо собственных обязательств.

В нем, как и в Базарове, заключена «бедна самолюбия». В идеях Стожарова и Караманова (разрушение «все-го и вся») очевидным образом проявлен потенциал героя-террориста. Не случайно роман был осужден демократической критикой за искажение облика «нового человека». Были основания и для занесения романа в разряд «антинигилистических», хотя многие другие герои романа из разряда «новых людей» изображены Мордовцевым с большой симпатией.

Несколько отступая от интересующей нас базаровско-рахметовской типологии, справедливости ради, заметим, что в пессимистическом варианте – деградация «нигилиста» в сложное время кризиса народнической идеологии – Базаров неожиданно попал в категорию «лишних людей». Такой реверс был проделан А. О. Осиповичем-Новодворским в повести «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» (1877). Во вступительной части, фактически в постмодернистском ключе, герой тургеневской «Нови», Соломин, беседует в Баден-Бадене со своим автором, Тургеневым, редко посещающим Россию, и разъясняет ему суть типа современного человека под названием «ни павы, ни ворона», то есть человека семидесятых годов. Суть этого типа в общих чертах состоит в дисбалансе между «прекраснодушными мечтами» и реальной жизнью, отрыве от реальной жизни народа, полной неспособности к практической деятельности, «бедне самолюбия». Далее герой и рассказчик истории, Преображенский, рассказывает «прекрасной читательнице» историю своей жизни. Генеалогия Преображенского, а соответственно и этого поколения, представлена литературными героями со сложно построенными семейными связями. Преображенский рассказывает «биографический» эпизод, в котором у смертного одра его дедушки собрались все родственники. Дедушкой оказывается лермонтовский Демон, чье «отрицанье и сомненье» (к счастью бабушки) не распространялось на крепостное право, отцом героя выступает Печорин, его старшими братьями – Рудин и Базаров. Отсутствие ожидаемого читательницей Онегина рассказчик объясняет тем, что тот приходился вовсе не братом, а только дальним родственником отцу Печорину. По причине очень дальнего родства отсутствует и Обломов – сын Онегина. Таким образом, Базаров, хотя и выделяется из всей семьи равнодушием к происходящему, вписан в семью «лишних людей» на основаниях кровного наследника. Как видим, Новодворский, во многом ориентированный на роман Чернышевского, особенно в нарративном отношении, замыкает Базаровым родственные связи «ни павы, ни вороны» (лишний человек формации 70-х гг.) и не включает в них «новых людей».

Вернемся к упомянутому в начале рецептивному аспекту темы – постепенное слияние Базарова и Рахметова в один идеологический и социально-психологический тип, ставший предметом подражания в среде демократической молодежи 1860-1870-х гг., и перенесем его в область художественной рецепции. В этом случае возникает вопрос, на который, как кажется, невозможно ответить однозначно. «Базаровский код» был заложен Чернышевским в Рахметове и шире – в «новых людях»? Или в произведениях последователей проявляется общее свойство беллетристики – вторичность, склонность к подражанию, копированию и тиражированию «чужих» находок [11, с. 53-66], выраженные в данном случае простым соединением черт героев Тургенева и Чернышевского? Решение вопроса осложняется тем, что Чернышевский тоже может быть отнесен к беллетристам, получающим «подпитку» от доноров – сильных текстов. Верно и то, что, в отличие от подражательных произведений, роман «Что делать?», рассмотренный в категории «беллетристика», обладает свойством, называемым «опережающей вторичностью», то есть свойством генерировать новые решения, при этом двунаправленность процесса текстопорождения фактически уравнивает подражательность и оригинальность (последняя определяется интересом к новым явлениям, «злободневностью» в широком смысле) [1, с. 61].

## Заключение

На основании изученного мы можем прийти к некоторым выводам. Изучение формирующейся в 1860-1870-х гг. типологии героя представляется продуктивным с точки зрения развития литературного процесса в целом. Именно в его границах путем циркуляции формируется множество вариантов наметившегося и складывающегося типа, а потом, благодаря функционально-смысловой повторности, закрепляется ядерный вариант, вбирающий абсорбированные свойства какого-то типа или сюжета (если речь вести о формировании сюжетной матрицы). Другими словами, в случае базаровско-рахметовского типа мы имеем дело с известным явлением, суть которого может быть описана через механизм своего рода контаминации, когда семантически и структурно близкие типы, каждый со своей группой признаков, соединяются и образуют один метатип [9, с. 96].

При этом, если в «долгой» культурной памяти на статус метатипа смог претендовать только Базаров, закрепление свойств которого обеспечено сильным текстом, то на короткой дистанции литературного процесса 1860-1870-х гг. доминировал базаровско-рахметовский симбиоз, формализацию которого беллетристика не могла реализовать в силу своего слабого художественного ресурса.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением социокультурной и одновременно литературной проблемы актуализации того или иного «сильного» теста в беллетристическом и читательском поле литературы или, напротив, угасания интереса к нему. В русле этого вектора можно подойти к выявлению тенденций, влияющих на формирование сюжетного репертуара литературы того или иного периода, за «наполнение» которого отвечает беллетристика, в немалой степени ориентированная на общественную злободневность и художественные образцы, поставляемые «сильными» текстами.

**Список источников**

1. Акимова Н. Н. Проблемы интерпретации беллетристического произведения // Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики: сб. науч. ст. / под ред. Н. Г. Михновец. СПб.: Наука; САГА, 2008. С. 60-66.
2. Белова Н. М. Роман «Что делать?»: предшественники и последователи Н. Г. Чернышевского: учебное пособие по курсу. Саратов: Изд-во СГУ, 2009. 158 с.
3. Брумфилд У. К. Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе // Знание. Понимание. Умение. 1915. № 3. С. 286-298.
4. Вайсман М. И. Мелодраматическая модальность в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2011. 24 с.
5. Герцен А. И. Еще раз Базаров // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1965. Т. 20. Кн. 1. 751 с.
6. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1971. 443 с.
7. Егоров Б. Ф. Роман 1860-х - начала 1870-х годов о «новых людях». Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1963. 59 с.
8. Зубков К. Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 4. С. 122-140.
9. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974. 348 с.
10. Лотман Ю. М. О Хлестакове // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 293-324.
11. Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 53-66.
12. Недзвецкий В. А. Роман о «новых людях», или Роман «новых людей». Роман о русском «нигилисте» // Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века: неклассические формы: университетские курсы лекций. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 78-93.
13. Печерская Т. И. Пересказ текста как инструмент интерпретации: из истории полемики «Современника» и «Русского слова» // Карабиха: историко-литературный сборник. 2016. Вып. 9. С. 235-250.
14. Писарев Д. И. Базаров // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. М.: Наука, 2001. Т. 4. С. 164-201.
15. Писарев Д. И. Пушкин и Белинский (Статья первая) // Русское слово. 1865, апрель. Отд. II. Литературное обозрение. С. 51-76.
16. Пруцков Н. И. Роман о «новых людях» [Электронный ресурс] // История русского романа: в 2-х т. М. - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1964. Т. 2. URL: <https://lit.wikireading.ru/45187> (дата обращения: 12.01.2012).
17. Репин И. Е. Далекое и близкое / вступ. ст. К. Чуковского. Л.: Художник РСФСР, 1986. 484 с.
18. Слепцов В. А. Проза. М.: Худож. лит., 1964. 410 с.
19. Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.
20. Чернышевский Н. Г. Что делать? Л.: Наука, 1975. 422 с.

**Информация об авторах | Author information**

**Печерская Татьяна Ивановна**<sup>1</sup>, д. филол. н., доц.

<sup>1</sup> Новосибирский государственный педагогический университет



**Pecherskaya Tatiana Ivanovna**<sup>1</sup>, Dr

<sup>1</sup> Novosibirsk State Pedagogical University

<sup>1</sup> [ptatiana9@gmail.com](mailto:ptatiana9@gmail.com)

**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 25.01.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

**Ключевые слова (keywords):** типология героев; нигилист Базаров; новый человек; разночинная беллетристика; метатип; typology of personages; nihilist Bazarov; new human; commonplace fiction; meta-type.